

Труд - 1999 - 30 апр - с. 40

Рубрике "Уроки любви" исполнилось пять лет. За это время на страницах «Труда» опубликовано более семидесяти очерков о писателях и о тех женщинах, которые тоже вдохновляли прославленных мастеров слова, "властителей дум" на создание романов, повестей, стихов, поэм, пьес. Из читательских писем мы знаем, что многие собирают наши публикации, теперь у них дома маленькая, но по-своему уникальная энциклопедия человеческих страстей.

Мы вряд ли ошибемся, предположив, что и другие хотели бы иметь такую. "Труд" поможет в этом. В нынешнем году мы намерены выпустить опубликованные на газетных страницах очерки отдельным изданием. "Уроки любви" — так и будет называться эта книга. О том, где и как приобрести ее, мы сообщим дополнительно, но некоторые из наших подписчиков смогут получить ее бесплатно, да еще с автографом автора. Для этого надо будет прислать в редакцию копию подписной квитанции на второе полугодие 1999 года. Всех, конечно, не удовлетворить, но тридцать счастливых определит жребий. Их имена мы опубликуем в одном из осенних номеров.

И в спокойные-то, благополучные времена люди вдруг уходят из дому и не возвращаются, бесследно пропадают, а то были времена очень даже неспокойные, очень даже неблагоприятные. Плохие времена...

Петроградская осень 1921 года. Голод, холод, быстрые и неожиданные смерти (только что тихо угас Блок) — на этом фоне не выглядело чем-то из ряда вон выходящим расклеенное на обшарпанных стенах петербургских домов объявление, сулившее три миллиона рублей "тому, кто укажет, где находится больная женщина, ушедшая из дому 23 сентября, худая, брюнетка, лет 40, черные волосы, большие глаза, небольшого роста, обручальное кольцо на руке; была одета в темно-красный костюм с черным, серое пальто, черная шелковая шляпа, серые валенки. Имя — Анастасия Николаевна".

Объявление было отпечатано типографским способом, но сохранился и рукописный экземпляр. Он пространней и эмоциональней типографского. Если в последнем скупом сказано: "Сообщить по адресу — Васильевский остров, 10-я линия, д. 5, кв. 1", то в первом, писанном от руки, это звучит следующим образом: "Умоляем сообщить о ней (эти четыре слова подчеркнуты двойной жирной чертой) — будем бесконечно благодарны за всякое сведение..."

И — в самом низу: "По желанию вознаграждение", что тоже подчеркнуто, но уже одной чертой.

Таким образом, текст подвергся редактуре, и, кажется, это был единственный случай, когда написанное Федором Сологубом — а объявление сочинил он — столь радикально изменили. В то время он был уже мэтром, живым классиком, всероссийской знаменитостью, к каждому слову которого относились с благоговением.

Его настоящая фамилия — Тетерников. Федор Кузьмич Тетерников... Закончив учительский институт, в течение долгих десяти лет преподавал математику в захудалых уездных городках, о чем впоследствии — и на это тоже ушло десятилетие — написал роман "Мелкий бес", ставший самым знаменитым его произведением.

Главный герой "Мелкого беса" Передонов многим читателям напомнил "человека в футляре" (чеховский рассказ незадолго до этого увидел свет) — это с одной стороны, а с другой — в нем усмотрели пусть и шаржированный, но портрет самого автора, также укравшегося в своего рода "футляре".

Ему давно перевалило за сорок, но он оставался холостяком и не помышлял менять образ жизни. Вот каким впервые увидел его начинающий поэт Владимир Ходасевич: "Сидит мешковато на кресле, нога на ногу, слегка потирает маленькие, очень белые руки. Лысая голова, темя слегка заостренное, крышей, вокруг лысины — седина. Лицо чуть мучнистое, чуть одуловатое. На левой щеке, возле носа с легкой горбинкой, — большая белая бородавка. Рыжевато-седая борода клином, небольшая, рыжевато-серые, висающие вниз усы. Пенсне на тонком шнурке, над переносицей складка, глаза полускрыты. Когда Сологуб их открывает, их выражение можно передать вопросом: а вы все еще существуете?"

Федор Кузьмич, однако, не на всех смотрел таким взглядом —

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАСТЕ

ПОЭТ ФЕДОР СОЛОГУБ СЛОЖИЛ ЕЕ ДЛЯ ПОГИБШЕЙ ЖЕНЫ

Художник Мария ПАТРУШЕВА.

ми. Насовсем... Официально мужем и женой они станут лишь шесть лет спустя, но ни его, ни ее не волновали подобные формальности.

Три месяца назад, в последний день весны, накануне Троицы, он написал ей: "Счастье — пустяк; все дело только в том, чтобы чувствовать себя достойным счастья. И Вы сами хорошо знаете, что данного счастья нет, — есть только счастье творимое".

Она восприняла его слова как наказ, как программу действий и стала с присущей ей энергией программу эту выполнять.

Недавний затворник узнал благодаря ей вкус другой жизни, и жизнь эта, надо сказать, пришлась ему по вкусу. Шумные и приветливые гости, букеты цветов, шампанское, розыгрыши и шутки — посреди этого моря веселья он возвышался со своим лысым черепом, как скала, по-прежнему малословный, но довольный и счастливый.

Но она создала не только салон, ставший одним из самых блестящих художественных салонов тогдашнего Петербурга, она — и это было, конечно, много труднее — "создавала" и Федора Сологуба, в то время еще не оцененного по достоинству, лепила в общественном сознании его образ или, как сказали бы мы теперь, делала ему публицити. Сама писала статьи о нем — писала вдохновенно и проникновенно; собирала то, что писали другие, чтобы впоследствии издать отдельной книгой (и издала-таки!); делала заметки о том, как лучше поставить ту или иную его пьесу; принимала активнейшее участие в подготовке лекций, с которыми он триумфально объездил всю Россию. Словом, была, по выражению одного близко знавшего их обоих человека, "рьяною, ревнивою страстною послушницей при настоящем священнослужителе литературы".

Сологуб ценил это. Он посвятил ей множество стихов, целые циклы и даже отдельные сборники. Читая их, и создается впечатление, что этот человек, наделенный недюжинным терпением, редким спокойствием и феноменальной внутренней устойчивостью, почти полвека ждал, не размываясь на других дам, свою единственную, Богом предначинанную Женщину.

Выше-то выше, но от земного тоже ведь куда не денешься. Не спрячешься, не убежишь... А желание такое — убежать — появилось после революционных катаклизмов 17-го года и больше не покидало их. Из просторной и благоустроенной квартиры, некогда бывшей одним из центров культурной жизни Петербурга, их выселили, реквизируя и мебель, и одежду, и книги, так что теперь они прозябали в мало приспособленной для жилья нетопленной комнатенке.

Наконец разрешение на отъезд за границу было получено, но тут с Анастасией Николаевной стали происходить странные вещи. В начале сентября она прислала сестре записку, в которой просила немедленно прийти к ней. "Я очень плохо себя чувствую, боюсь, что заболею, как тогда".

Сестра сразу поняла, о чем речь: о наследственной болезни, которая унесла в могилу их покойливую с собой мать. То же случилось с одной из сестер. Да и Анастасия уже дважды была на краю гибели, из последних сил сопротивляясь тому, что Сологуб называл "вождем смерти" и определял его как "слабейшее". При этом он, с молодых лет писавший о смерти много и страстно, оговаривался, что не имеет в виду самоубийство — оно, по его мнению, "признак большой

слабости". Но это справедливо применительно к здоровому человеку, а тут — болезнь. В течение многих лет она, затаившись, не давала о себе знать, и вот теперь из-за чрезмерного физического и нервного напряжения обострилась. Ослабая женщина боялась, что справиться с нею не удастся. Призвала на помощь сестру и об одном просила: не оставлять в случае чего Федора Кузьмича.

Вечером 23 сентября, оказавшись ненадолго одна (Федор Кузьмич пошел в аптеку за бромом для нее), выскользнула из дому и прыгнула с Тучкова моста в воду. Кто-то видел это, но тела не нашли, и Сологуб упорно отказывался верить в гибель жены. Тогда-то и написал объявление с просьбой указать местопребывание пропавшей женщины.

Певец смерти, на сей раз он не верил в смерть. Садясь обедать — один ли, при гостях, — ставил прибор и для Анастасии Николаевны: на случай ее внезапного возвращения. А потом надевал потертое пальто, выходил из дому, долго бродил по городу, останавливаясь у замерзшей воды, и в голове сами по себе складывались строки:

В мире нет желанней цели,
Тяжки цепи бытия.
Спи в подводной колыбели
Настя бедная моя.

Стихи называются "Колыбельная Насте", под ними дата: 30 ноября 1921 года и место появления на свет: "Санкт-Петербург. Улицы".

Так продолжалось всю зиму. Даже когда река по весне вскрылась и тело всплыло, а он, приглашенный для опознания, подтвердил (документ этот сохранился): "найденный труп это моей жены Анастасии Николаевны Сологуб", — в смерть все равно не поверил.

"Она отдала мне свою душу, — писал он, — а мою унесла с собой. Но как же тяжело мне, я теперь знаю, что смерти нет. И она, любящая, со мною".

После ее гибели он прожил еще шесть лет. За границу так и не уехал: зачем? "Богато уставленный всякими яствами стол, — но все эти яства вдруг обратились в пепел, — вот что мне осталось после ее ухода от жизни".

И добавил: "Такая жизнь — на что она мне!"

О ней были его последние слова — на смертном уже одре...

Когда-то Анастасия Чеботаревская просила Федора Сологуба написать хоть несколько строк для задуманной ею книги писательских автобиографий. Замысел воплотить в жизнь не удалось, но многие другие свои планы она осуществила, в том числе и уникальный сборник "Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века". Почти сто авторов представлено в нем, в том числе и Федор Сологуб.

"Все мы любим так же, как понимаем мир. История любви каждого человека — точный слепок с истории его отношений к миру вообще".

Правда, это не письмо, это предисловие, которое он написал к составленной женой книге, но в конце концов все, что написал он после встречи с этой женщиной, было прямо или косвенно обращено к ней.

Руслан КИРЕЕВ.